

Робаут повидал немало необычных вещей за свою карьеру вольного торговца, но повторяющаяся по воксу запись со “Сперанцы” по праву займёт место среди самых странных. При других обстоятельствах слова человека по имени Авреем Локк, который отстаивал права своих братьев на борту ковчега Механикус, нашли бы отклик в сердце Робаута.

Оставив шаттл на автопилоте, Робаут побежал по трапам и коридорам к тесным покоем экипажа, куда его сервиторы – к счастью свободные от любых проявлений охватившего “Сперанцу” бунтарского духа – отнесли раненую Линью.

Робаут почувствовал резкий запах её обгоревшей плоти задолго до того, как добрался до места.

Изо всех сил пытаясь скрыть ужас, Робаут остановился в дверном проёме и сжал кулаки от гнева. Он не знал на кого направить свою ярость, потому что никто не был виноват. По словам Виталия принцепс Винтрас сотворил настоящее чудо, столь долго удерживая титана в вертикальном положении. В чём смысл ругать вызвавшего землетрясение бога?

Линья лежала обёрнутая в противовирусную кожную оболочку, которая мешала вредным веществам достигнуть обожжённой и обнажённой плоти, но не делала ничего для лечения. Простой биомонитор был подключён к её рукам, а кислородная маска прижата к лицу. В тех местах на голове, где сгорели волосы, кожа выглядела грубой и красной, и молочные слёзы сочились из уголков потрескавшихся аугметических глаз. Пожар в титане ослепил её, но вероятно это было к лучшему.

Скрытые кожной оболочкой ноги Линьи превратились в кривые куски сплавленного мяса и сожжённых мышц, немногим больше, чем обрубки костей. Плоти ниже голеней просто не осталось, и даже если Линья выживет, то никогда не сможет ходить, как прежде.

Виталий Тихон сидел около дочери, положив изящную металлическую руку на кровать рядом с ней. Тонкий провод в медном кожухе протянулся от затылка Линьи к такому же разъёму за ухом Виталия. Пожилой магос выглядел так, словно постарел на сто лет с тех пор с их прошлой встречи, немало для того, кто и так прожил не один век.

Виталий не оглянулся, когда Робаут постучал костяшками по дверной раме, а просто кивнул в знак признательности.

– Я не отметил никакого изменения в статусе привязи, – сказал Виталий, сформулировав слова, как заявление, а не вопрос. Он, вероятно, раньше Робаута узнал бы об изменениях на “Сперанце”.

– Нет, – согласился Робаут. – Боюсь, никаких изменений.

Виталий пожал плечами. – Я почти восхищаюсь этим Локком, вот только его действия, скорее всего, приведут к смерти моей дочери.

- Они пытаются уладить конфликт, Виталий, - сказал Робаут.

- Да, я слышал, что переговоры состоятся на главной посадочной палубе левого борта. Видимо революционеры захватили её и препятствуют причалить любым судам с припасами.

- Полковник Андерс направляется для встречи с Локком, - сказал Робаут. - Он - хороший человек и найдёт способ разобраться с этим, вот увидите.

- Результат не будет иметь для нас значения, - печально ответил Виталий. - Орбита "Сперанцы" распадается слишком быстро, и, учитывая, что этот шаттл не обладает толщиной корпуса или щитами ковчега Механикус, мы погибнем гораздо раньше их. Нас разорвёт гравитационными силами или мы сторим в атмосферном трении, выбирайте. При условии, конечно, что кадианцы просто не перестреляют всех и в любом случае обрекут нас на гибель.

- У меня создалось впечатление, что полковник Андерс слишком умён для подобной дипломатии канонерок.

- Надеюсь, вы правы, капитан, - вздохнул Виталий. - В любом случае архимагос поступил мудро, направив человека на переговоры с Локком. Человеческое лицо может сыграть решающую роль.

Виталий протянул руку, собираясь осторожно положить её на плечо дочери, металлические пальцы щёлкнули и сжались в кулак, прежде чем коснуться Линьи.

- Она всегда хотела сохранить первоначальное тело максимально долго, - сказал Виталий и, хотя он сидел спиной к Робауту, его горе было совершенно очевидным. - Кажется глупым настаивать на подобном, но она была совершенно непреклонна.

- Я не осуждаю её, - сказал Робаут. - Легко забыть о своей человечности, когда не видишь её в зеркале каждый день.

- Примерно так она и говорила.

- Она справится, - сказал Робаут. - Она - сильная. Я не слишком хорошо её знаю, но уверен в этом.

- Вы не ошибаетесь, молодой человек, - сказал Виталий, наконец, посмотрев на него.

Ничто не могло подготовить Робаута к смертельной бледности и посмертной маске измождённого лица Виталия.

Глаза глубоко запали, и хотя почти вся плоть являлась искусственной, это ничуть не скрывало

испытываемых им страданий.

- Император, вы в порядке? - выдохнул Робаут.

Виталий кивнул, хотя было предельно ясно, что он совсем не в порядке.

- Моя дочь лежит и умирает у меня на глазах, - сказал он. - В пределах видимости одного из величайших технологических чудес галактики. В этом есть определённая ирония.

Робаут встал на колени рядом с Виталием и положил руку на плечо почтенного астронома. Он почувствовал, как Виталий дрожит, микроколебания человека, который сдерживает океан невообразимых жгучих страданий.

- Боль должна куда-то уходить, - сказал Виталий, мышцы его лица напрягались и дёргались, пока он изо всех сил сохранял дочери жизнь. - И я не могу позволить ей мучиться в последние часы жизни.

Робаут слышал, что Виталий управлял болью Линьи, но увидеть жестокую реальность этого процесса было просто ужасно. Он почувствовал, как резко выросло его восхищение преданностью Виталия дочери - душа рождённого на Ультрамаре знала, что он мог сделать не меньше.

Он встал и воспользовался вокс-панелью на стене, чтобы связаться с "Ренардом". После минуты щелчков и статических помех из аугмитов раздался резкий голос Эмиля Надера:

- Робаут, - сказал он. - Ты уже на борту? Мы ничего не можем добиться от Механикус, все внутренние системы отключены. Что, во имя Конора, происходит?

- Заткнись и слушай, Эмиль, - перебил Робаут. - У нас мало времени. "Сперанца" заблокирована, а шаттл пойман на электромагнитную привязь.

- Чёрт, полагаю, ты в курсе, что орбитальная траектория ковчега разрушается?

- К сожалению, в курсе, - ответил Робаут. - Теперь слушай, мы, во что бы то ни стало должны вернуться на борт, и для этого мне нужна твоя помощь.

- Давай, всё что захочешь.

- Помнишь того сумасшедшего пилота на Кипра Мунди, на транспорте которого под носом были нарисованы зелёные глаза?

- Райнера? Капитана "Бесконечной Терры"?

- Именно его, - сказал Робаут. - Помнишь, как он погиб?

- Конечно, помню, - ответил Эмиль. - Мне эвакуация с Бронтииссы до сих пор в кошмарах снится.

- Да, тираниды тогда здорово всё испортили, - согласился Робаут. - Теперь слушай, Эмиль. Мы застряли здесь, и если госпожа Тихон в ближайшее время не окажется на медицинской палубе, то умрёт.

- Дерьмо! Что мы должны сделать?

Робаут вздохнул, зная, что то о чём он собирается попросить своего первого помощника настолько опасно, что проще назвать самоубийством.

Но если и существовал пилот в галактике, которому Робаут мог доверить сделать это, то им был Эмиль Надер.

- Мне нужно, чтобы ты сделал то, что пытался Райнер, - сказал Робаут. - Но мне нужно, чтобы у тебя получилось.

Это было странным чувством - идти навстречу опасности без верных "Адских гончих" за спиной или не на ревушем "Леман Руссе Завоевателе". Полковник Андерс твёрдо верил, что наступать на врага пешком являлось последним делом или попыткой прикончить себя в погоне за славой.

И всё же он направлялся к высоким переборкам посадочной палубы во главе командного отделения из двадцати кадианских гвардейцев и без единого танка в пределах видимости. Архимагос Котов не собирался позволять ему вести переговоры с Авреемом Локком без демонстрации силы Механикус, и поэтому его сопровождал магос Дахан и три боевых робота "Катафракты".

Андерс жалел, что архимагос не отправил с ним кого-то другого. Дахан пребывал в прескверном настроении от забастовки и едва ли не кипел от пылкого гнева, подобные взгляды могли превратить переговоры в полномасштабную перестрелку. Присутствие трёх внушительных боевых роботов также мало помогало демонстрировать желание решить дело миром.

Сержант Танна и воин по имени Варда тоже стали частью отряда, но, по крайней мере, они старались не выделяться и держаться позади - ну настолько могли не выделяться два космических десантника. Первоначальный план Андерса, рассчитанный на присутствие на переговорах человеческого лица, начинал выглядеть всё менее и менее убедительным, но

полковник взял с Дахана и Танны слово не прибегать к агрессивным действиям. Шагавший рядом капитан Хокинс изо всех сил старался держать руки подальше от пистолета и меча.

- Спокойнее, капитан, - произнёс Андерс, когда они подошли к посадочной палубе. - Мы же не хотим расстроить местных, не так ли?

- Извините, сэр, - ответил Хокинс, явно неохотно прижав руки к бокам. - Сила привычки.

- Понятно, но я хочу, чтобы вы предельно ясно понимали, что никто не смеет даже прикоснуться к оружию без моего прямого приказа. И никаких ругательств и дурных мыслей, вы меня поняли?

- Конечно, понял, сэр. Я передам ваш приказ и любой, кто начнёт доставлять неприятности будет иметь дело с Реем.

- Думаю, если всё покатится к чёрту мало кого остановят мысли о лейтенанте Рее.

- Верно замечено, сэр, - согласился Хокинс, и в этот момент переборка загрохотала в сторону с лязгом механизмов и протестующих сервомоторов.

- Вот мы и пришли, - прошептал Андерс, входя на посадочную палубу. - Снова в Око.

Похожее на пещеру пространство за переборкой совсем недавно заполняла кипучая деятельность: сервиторы, крепостные и логисты Механикус координировали палубные операции, следуя тщательно составленным планам Криптаэстрекса по восстановлению запасов. С десятков недавно прибывших грузовых транспортов расположился напротив мерцающего целостного поля в открытый космос, их корпуса покрывал лёд, а сами они выглядели закрытыми. Сервиторы молча стояли у грузовых дверей, не двигаясь и отказываясь работать, подчиняясь неведомой силе, которую имел над ними загадочный помощник Авреема Локка.

Их встречали примерно пятьдесят мужчин в грязных красных спецовках крепостных Механикус. За их спинами Андерс видел ещё тысячи, они бездельничали на штабелях ящиках, собирались в группы или спали, растянувшись на палубе. Картина крепостных, спящих несмотря на то, что их время неумолимо приближалось к концу, превзошла все ожидания, но Андерс давно знал, что люди способны на самое странное поведение во время кризисной ситуации.

Комитет по встрече оторвал рукава от одежды или как-то по-другому изуродовал её в явной попытке продемонстрировать, что они сбросили оковы угнетателей. Все они были вооружены длинными тяжёлыми стальными трубами или гудящими силовыми инструментами непонятного назначения. Андерс сразу же узнал лидера этой группы: Юлий Хоук, бывший гвардеец и, если верить его личному делу, закоренелый уклонист. Он где-то раздобыл ржавый лазерный карабин, и, несмотря на длинный список дисциплинарных нарушений и неудовлетворительных

оценок, было ясно, что он умел с ним обращаться.

- Ты - Андерс? - спросил Хоук.

- Я - полковник Вен Горацио Андерс, полковник 71-го кадианского полка "Головёшки". Почему на тебе нет формы, гвардеец Хоук?

- Давненько ко мне так не обращались, - рассмеялся Хоук, едкие и вызывающие нотки в его голосе свидетельствовали о годах, проведённых за подрывом авторитета и издевательствах над теми, кто лучше него. Несмотря на сказанное Хокинсу, Андерс почувствовал сильное желание выхватить саблю и пронзить оскорбившего его солдата. - Теперь я просто Хоук, и на мне есть форма. И эту форму я не променяю на полковое дерьмо.

- Я здесь для разговора с Авреемом Локком, - сказал Андерс. - Поэтому буду признателен, если ты проведёшь меня к нему.

Хоук покачал головой. - Ну уж нет.

Его тон привёл Андерса в бешенство, но полковник сумел сдержаться:

- Мне сказали, что он здесь.

- Ага, здесь, но нам ничего не говорили о трёх чёртовых боевых роботах и паре космических десантников, которые шарятся сзади, - ответил Хоук. - Ты нас за идиотов держишь?

Андерс очень хотел дать утвердительный ответ, но ограничился следующими словами. - Каждая секунда моего времени, которую ты тратишь в пустую, приближает корабль к гибели. Это у тебя надо спросить идиотизм это или нет.

- Я уже встречал с таких как ты, - сказал Хоук. - Считаешь, что лучше нас, пехотинцев. Знаешь, я знал офицера по имени Андерс. Вот уж точно самоуверенный ублюдок. Его прикончили на Гидре Кордатус.

- Ах, да, - сказал Андерс. - Я прочитал твой отчёт по пути сюда. Во время воображаемой атаки космических десантников Вечного врага, не так ли?

Хоук кивнул. - Да, именно тогда.

- На мёртвом мире, не имевшем никакого материального или стратегического значения. Во время атаки, которую Адептус Механикус и Адептус Астартес никогда не признали.

- Механикус хотят, чтобы ты в это верил, - усмехнулся Хоук, словно Андерс представлял собой воплощённую доверчивость. - Конечно, они не признают, что там была крепость и враг пришёл и отобрал её, как мелочь у пьяницы.

- Так ты можешь отвести меня к крепостному Локку или нет? - спросил Андерс, утомлённый болтовнёй Хоука.

- Да, могу, но только тебя одного.

Капитан Хокинс шагнул вперёд и произнёс. - Исключено.

- Ну и кто сейчас тратит в пустую время? - усмехнулся Хоук.

Андерс махнул Хокинсу отступить. - Если это нужно, чтобы покончить с этим.

- Сэр, вы не можете просто...

- Капитан, останьтесь здесь с остальными, - сказал Андерс.

- Сэр, я не могу позволить вам идти туда одному, - настаивал Хокинс.

Андерс проигнорировал возражения Хокинса и произнёс. - Я буду в полной безопасности, уверяю вас. Вы мне нужны, чтобы поддерживать порядок и дисциплину. Да, и если я не вернуть в течение двадцати минут...

- Сэр?

- У вас есть моё разрешение убить всех на этой палубе.

Андерс повернулся к изумлённому и шокированному Хоуку.

- Ну что же, крепостной Хоук, - произнёс Андерс. - Веди меня к своему лидеру.

Пробираться по внутренностям космического корабля людей оказалось по-детски легко. Мрачные коридоры драпировали тени и пронизывали боковые проходы, о которых, похоже, забыл даже экипаж. Могильная тьма скрывала восхождение Бьеланны из глубин корабля, пока она скользила в тени не работавших уже много веков высоких машин и по заброшенным проходам, которые по щиколотку заполняла кишасящая крысами вода.

На каждом шагу сверху на неё смотрели металлические символы черепа в шестерёнке, которые располагались рядом с резными каменными горгульями. Не менее часто такие

символы встречались и на мерцавшем грубом и примитивном оборудовании: всевозможных пневматических механизмах, звенящих цепях и извергающих дым поршнях. Космический корабль являл собой множество противоречий: кошмарный храм, где почитали жестокие машины, и рассадник для толп людей, которые были его экипажем.

Бьеланна никогда не понимала монкеев, расу столь многочисленную и безудержно плодовитую, что они превзошли численностью звёзды. Но их невообразимая численность не принесла им утешения, а скорее наполнила страхом и заставила искоренять любую иную форму жизни и вероисповедания. Подобная бездумная ненависть могла породить в ответ только ненависть, но люди не видели, что собственными руками обрекают себя на вечность борьбы.

Чем больше Бьеланна видела людей на борту этого корабля, тем меньше вообще думала о них как о разумных существах. Они стали смазкой перемалывающего механического оборудования, корпускулами, которые перемещались с места на место, служа бесперебойной работе великой машины. Она не могла понять, как они не видят, что мало чем отличаются от микробов, ползающих в теле огромного зверя.

- Они не поклоняются вам, - прошептала она, остановившись под одним из наполовину машинных наполовину человеческих черепов, который проштамповали на стальном листе стены. - Вы поработили их, а они считают себя благословлёнными.

Череп изрыгнул из пустой глазницы сгусток дыма и пламени, и Бьеланна скользнула дальше во мрак. Она следовала нитям судьбы, которая заставила её рискнуть отправиться в обитаемые части корабля.

Видение пришло внезапно, и ошеломило своей мощью.

Встреча людей в одном из огромных залов, который использовался для уродливых грузовых судов.

Встреча воина и человека, которому против его воли предстоит стать и спасителем и разрушителем.

Большинство человеческих жизней были столь эфемерны, что их влияние на пряжу было микроскопическим и настолько бесконечно малым, что его почти не было, но кто бы ни были эти двое, они оказались достойны внимания и их действия и в самом деле могли повлиять на ближайшее будущее.

Несдержанность Ариганны сделала встречу этих людей неминуемой, фиксированной точкой в мотке пряжи, вокруг которой вращалось миллион раз по миллиарду возможностей. Экзарх устала прятаться в глубинах космического корабля и уступила желанию военной маски убивать. Если раньше она довольствовалась смертью монкеев, которые невольно забредали в их тёмное логово, то теперь она активно охотилась на верхних палубах, словно одинокий хищник беспримерной дикости и безграничной жестокости. Бьеланна видела, как она убила мага,

который управлял смертоносно нестабильными реакторами двигателей, и изумительно сложная паутина бесконечных возможностей вспыхнула перед её глазами.

Как Бьеланна и надеялась, её связь с пряжей становилась всё крепче с каждым прошедшим днём и каждым световым годом, который корабль пролетал из восстановленной звёздной системы. Но вместо того, чтобы укрепить взгляд в будущее, интерпретации стали ещё запутаннее. Воспоминания о прошлом и видения бесконечных вариантов будущего переплетались и заполняли каждое мгновение, и Бьеланна почти перестала различать, что являлось реальным, а что воображаемым.

И всё же видение этих двух людей оставалось неизменным всякий раз, когда она всматривалась в будущее.

Наконец она достигла места, где нить судьбы, за которой она следовала, расплелась за пределы её способностей отслеживать что-либо с уверенностью. Она стояла возле высокого витражного окна, где был изображён серо-стальной храм на вершине красной горы, изрыгавшей из своих недр неуступавшие друг другу поток бронетехники и клубы дыма. Одно из нижних стёкол оказалось разбито, и Бьеланна пролезла сквозь него, присев на каменном выступе, откуда открывался вид на просторное палубное пространство, выходящее у дальней стены в вакуум.

Внизу собрались тысячи монкеев, мерцающие угольки жизни и мимолётного существования. Некоторые угольки горели гораздо ярче остальных, и она вздрогнула от сияния, исходящего от двух облачённых в чёрную броню гигантов, собратьев воина, убитого аватаром Каэла Менша Кхейна. Она видела линии судьбы космических десантников раньше, и они горели с почти жалкой прямоотой, но судьбы этих двух воинов почему-то казались знакомыми, словно они ещё встретятся в её будущем.

Кипящая агрессия заполняла палубу, подобно болезни, и Бьеланне не требовались психические способности, чтобы ощутить лёгкие колебания скрытого страха и неминуемого насилия, которые медленно просачивались в атмосферу.

Это было хорошо.

Она могла использовать первое, чтобы спровоцировать второе.

По обеим сторонам окна располагались резные зловеще ухмылявшиеся херувимы с дыхательными масками вместо лиц, и когда она опустилась на колени на краю выступа, металлический череп ближайшего уставился на неё механическим глазом. Бьеланна проигнорировала его, внимательно рассматривая мерцающее энергетическое поле, которое сохраняло палубу герметичной. Она на миг вздрогнула при виде неизвестных звёзд, которые не должны были существовать.

Она стряхнула с себя неприятное ощущение, что эти мерзкие звёзды наблюдают за ней, и вдохнула загрязнённый воздух, пока чувства изучали мерцавшие линии судьбы монкеев. Она

искала того, чей страх окажется самым большим и податливым, легко нашла такого среди толпы порабощённых работников, и окутала разум его же самыми страшными кошмарами.

Будущее являлось изумительно сложным и переменным, но одно было бесспорным.

Людям, известным, как Андерс и Локк, нельзя было позволить договориться.

Андерс сидел на грузовом ящике у дальней стены посадочной палубы. Он и Авреем Локк сидели друг напротив друга, окружённые парком гусеничных землеройных машин Механикус. Андерсу пришлось признать, что он испытал некоторое разочарование от вида подстрекателя, чьи мятежные речи отзывались эхом по всей "Сперанце".

Впалые щёки, бритая голова и металлический блеск в уголках глаз ничуть не придавали Авреему Локку вида революционера, также не слишком впечатляла и аугметическая рука, которая не обладала ни оружием, ни какими-либо иными боевыми приспособлениями. Он выглядел именно тем, кем и был: крепостным Механикус на грани голода, истощения и нервного срыва.

Андерс почти сочувствовал ему.

Зато аркофлагеллант был совсем другим делом. Кибернетический убийца смотрел с нескрываемым желанием прикончить его, но Андерс игнорировал угрозу. Если он атакует, то полковник погибнет, прежде чем даже успеет отреагировать, поэтому не было никакого смысла зря тратить время на лишние переживания.

- Вы понимаете, что если мы не договоримся, то все погибнем? - спросил Андерс.

- Понимаю, - ответил Локк.

- Тогда скажите, что я могу сделать, чтобы покончить с этим.

- Вы должны убедить архимагоса Котова освободить крепостных, - сказал Локк. - Я попросил бы перепрограммировать сервиров, если бы не считал, что ятрогенный шок убьёт их.

Андерс кивнул. - Вы знаете, что он не согласится на это. Особенно после того, как вы убили магистра двигателей.

Локк прищурился и раздражённо расправил плечи. - Сайиксек мёртв?

- Полагаю, что так его звали, да.

- Сайиксек стал первым магосом, которого я увидел на борту "Сперанцы", - сказал Локк. - Он загнал сто человек до смерти, прежде чем мы даже покинули орбиту Джоуры, и ещё сотни, прежде чем мы достигли края галактики. Я ни слезинки не пролью по этому ублюдку, но мы не убивали его. В отличие от магоса Котова, на моих руках нет крови.

- У всех нас на руках кровь, друг мой, - произнёс Андерс, с удивлением обнаружив, что поверил Локку. - Любая служба Императору требует жертв.

- Я предпочёл бы сам выбрать, чем пожертвую на службе Императору, - ответил Локк, демонстративно поднимая бионическую руку. - Вот чего не понимает Котов. Этот корабль для него - машина, а все мы - человеческое топливо, чтобы поддерживать её работу, нас можно потратить и использовать по желанию.

- Вы ещё Имперской гвардии не видели, - заметил Андерс.

Локк покачал головой. - Нет, вы неправильно меня поняли, полковник Андерс. Я знаю реалии жизни в Империи. Все служат, хотя бы они этого или нет. Конечно, может быть не все мы согласны служить, но мы здесь и сейчас, и мы должны делать свою работу. Обращаетесь с нами, как с рабами и в ответ получите только недовольство и восстание. Обращайтесь с нами, как с людьми, достойными уважения, и всё изменится.

- Думаете Механикус способен на это?

- Они могут научиться, - сказал Локк, подавшись вперёд. - В конце концов, это в их интересах. Кого вы предпочли бы повести в бой: полк согласных солдат, которые знают, что вы собираетесь сделать всё возможное и невозможное, чтобы сохранить им жизнь, или толпу призывников, которым плевать на вашу войну или победителя в ней?

- Я - кадианец, поэтому вы уже знаете ответ, но риторическими вопросами здесь не поможешь, - ответил Андерс, кивнув на киборга-убийцу за плечом Авреема. - Вы производите впечатление человека, который не терпит лицемерия, но не находите ли весьма забавным факт, что вы держите при себе аркофлагелланта? Он биоактивировался на вас и по-рабски исполняет каждый ваш приказ. Его вы тоже хотите освободить? Архимагос сказал мне, что нет никаких данных о том, кем он являлся до трансмогрификации, но в любом случае он - чудовище. Убийца детей или насильник или еретик. Или что-то ещё хуже.

Казалось, что Локка искренне встревожили слова Андерса, словно он никогда не задумывался о происхождении аркофлагелланта или наоборот знал что-то о его прошлом, чего знать не желал. Если верить слухам о характере Авреема Локка, последнее казалось наиболее вероятным объяснением.

- Вы правы, конечно, - сказал Авреем с застывшим лицом. - Но в данный момент немного лицемерия - это та цена, которую я готов заплатить за то, что мне нужно.

- Толика зла на службе высшему благу, не так ли?

- Вы выбрали не самое удачное выражение.

- Не нахожу другого, - сказал Андерс. - Послушайте, Авреем, вы не можете сидеть на белом коне, требовать свободы и заявлять о позиции морального превосходства, и одновременно признаваться, что согласны на капельку рабства, если оно помогает достичь ваших целей.

- У меня нет выбора, полковник, - ответил Локк, и Андерс снова увидел не страшного мятежника, а отчаянно уставшего человека, по воле обстоятельств принявшего на себя роль лидера, роль, для которой он явно не подходил. - Это единственный путь.

Андерс скрестил руки на груди и сказал. - Вы кажетесь мне умным человеком, Авреем, а не самоубийцей. У вас должны быть позиции, на которые вы готовы отступить ради компромисса. Мы можем сидеть и торговаться об этих позициях, но уверен, вы знаете, что время сейчас - роскошь. Смерть Сайиксека и прекращение работы сервиторов привели к снижению орбиты "Сперанцы". Если мы не сумеем договориться, то очень скоро погибнем.

- По крайней мере, мы погибнем от своей руки, а не от руки Механикус.

- А что насчёт остальных? - спросил Андерс, дав выход толике своего гнева. - Что с моими солдатами? Слугами, рождёнными в космосе, и всеми другими тысячами душ на борту? Вы готовы убить их всех из принципа? Сомневаюсь.

В глазах Локка вспыхнуло неповиновение, но это была явная бравада, и огонь покинул его. Он был зол, да, но не был готов уничтожить весь корабль ради своих целей.

Андерс знал, что выиграл и почувствовал, что тяжёлый комок в животе ослаб.

Но прежде чем он успел воспользоваться отступлением Локка, с другой стороны парка техники донеслось резкое эхо выстрела. Андерс узнал звук с замиранием сердца.

Лазерное ружьё М-36 "Кантраэль".

Каданский вариант...

Из всех манёвров Эмиля Надера за долгие годы, проведённые за штурвалом космического корабля, этот по праву мог считаться одним из самых глупых. Он совершал аварийные прыжки из варпа до точки мандевилля, проходил сквозь строй скал зелёнокожих и пилотировал в центре пояса астероидов, но это было настоящим безумием.

Приборную панель перед ним освещали неоднократные призывы вернуться на корабль, что

только служило прекрасным подтверждением идиотского буквализма Механикус.

- Требование: корабль "Ренард", ваш запуск не санкционирован, - произнёс скрипучий механический голос по воксу. - Вы должны немедленно вернуться на "Сперанцу" и выключить двигатели.

Эмиль не стал тратить впустую слова на ответ, зная, что в этом нет никакого смысла.

- Повторяем требование: корабль "Ренард", ваш запуск не санкционирован. Вы дол...

Магос Павелька перебила. - Хотя у нас действительно нет разрешения, чтобы покинуть носовую посадочную палубу, мы считаем, что оставаться на борту не самый удачный выбор, учитывая, что "Сперанце" грозит прямая опасность сгореть в атмосфере планеты.

- Я не смог бы ответить лучше, - сказал Эмиль, отключив вокс-связь с палубным магосом "Сперанцы". - Всё же мы плохо на вас влияем, Иланна.

Павелька сидела рядом в кресле второго пилота, пока Силквуд находилась в машинном отделении, пытаясь прогреть двигатели "Ренарда" до такого уровня, чтобы выполнить манёвр и не превратить борта "Сперанцы" в расплавленный шлак.

- Пренебрежение протоколами Механикус далось мне непросто, господин Надер, - произнесла Павелька, перегружая столько навигационных данных, сколько могла на рабочее место Эмиля. - Палубный магос назначит нам заслуженное наказание, когда мы вернёмся на "Сперанцу".

- Серьёзно?

- Конечно, - ответила Павелька. - Как правильно и необходимо.

- Если только мы не погибнем.

- Если только мы не погибнем, - согласилась Павелька. - По моим подсчётам наши шансы на успех равны...

- Нет, нет, нет... - перебил Эмиль. - Я не хочу знать, вы сглазите меня.

Павелька посмотрела на него так, словно именно это и собралась сделать, но затем просто кивнула и продолжила передавать информацию о гравиметрическом поле, окружавшем ковчег Механикус. Древнее оборудование, генерирующее внутреннюю силу тяжести "Сперанцы", вместе с самой массой корабля создавали вопящую область турбулентности, которая делала даже простой полёт по прямой непростой задачей.

Именно там электромагнитная привязь удерживала шаттл “Ренарда”.

- Вы, конечно, знаете, что последний капитан, который пытался выполнить подобный манёвр, погиб и потерял свой корабль? - спросила Павелька.

- Да, я знаю об этом, - ответил он. - К тому же я видел это, но Райнер был сумасшедшим, а за корабль цеплялись десятки тиранидских биопаразитов. Даже если бы у него получилось, они бы всё равно все погибли бы. Поверьте мне, в сравнении с его попыткой у нас всё пройдёт просто.

- Тогда мы с вами расходимся в определении просто.

Эмиль усмехнулся и нажал медный переключатель, связавшись с техническими палубами внизу. - Силквуд, ты готова?

Язвительный тон технопровидца был ясно различим даже по воксу:

- Да, мы готовы, но не жди, что это будет лёгкой прогулкой.

- Просто продержись достаточно, чтобы мы все выжили.

- Ничего не могу обещать, - ответила Силквуд. - Мы потеряем несколько манёвровых двигателей и конструкции, которые не предназначены для такого крутого разворота.

- Но “Ренард” - стреляный воробей, не так ли? Он же выдержит, да?

- Скажи ему, что любишь его и пообещай никогда больше так не летать, и он справится.

Эмиль кивнул и сжал пальцы на механизмах управления кораблём. Обычно судами размером с “Ренард” не управляли вручную, вместо этого использовали автоматизированные полётные задания и последовательность команд, перемещаясь между заранее проложенными точками маршрута.

- Я могу ещё каким-нибудь образом убедить вас позволить бортовой инфомашине провести нас к шаттлу? - спросила Павелька. - Вы не можете надеяться обработать огромную величину переменных гравитационного поля “Сперанцы”.

- Если ты доверяешь бортовым системам больше, чем собственным навыкам, то ты не имеешь права называть себя пилотом, - ответил Эмиль. - Я узнал всё о космических кораблях в атмосфере Эспандора и знаю, как управлять “Ренардом” лучше любой машины. Я знаю его желания и мельчайший каприз. Мы вместе прошли через большее количество передрыг, чем я могу вспомнить. Он знает меня, а я знаю его. Я забочусь о нём, а он долгие годы

присматривает за всеми нами. Он не подведёт нас сейчас, когда Робаут в беде.

Павелька протянула руку и коснулась плеча Эмиля:

- "Ренард" - прекрасный корабль, один из лучших известных мне, - сказала она. - И несмотря на то, что я считаю, что вы зря столь враждебно отнеслись к моему приказу, вы - прекрасный пилот. Вы не захотели узнать наши шансы на удачный исход, но я абсолютно не сомневаюсь в вероятности успеха.

- И почему же?

- И всех известных мне людей, я не хотела бы, чтобы кто-то другой пилотировал корабль вместо вас, Эмиль.

Нехарактерные для Павельки человеческие слова тронули его, также как и обращение по имени.

- Тогда летим к нашему капитану, - сказал Эмиль.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658757>